

В этот раз хоть и не получилось лицезреть выдающихся красавиц и пообниматься с ними[1] в доме безмерного счастья[2], однако все присутствующие в целом, можно считать, были довольны.

Единственным недовольным остался Цзы Янь, ведь он был вынужден с Хэ Ди делить повозку, везущую обратно во дворец Тунъань, который больше напоминал тюрьму.

Переступив порог опочивальни, Цзы Янь уже вознамерился сначала выполнить основное задание, а именно: попросить Хэ Ди отправить людей к принцессе Чан Лю и передать ей слова князя Мина. Если не поторопиться, то потом неизвестно, какую «милость» захочет оказать этот пошлый принц.

Сам же принц к подобному требованию отнёсся с огромным содействием и приказал Кун Лю лично сбегать к Её Высочеству:

— Чтобы никто не присутствовал во время вашего с принцессой разговора. Она повсюду ищет цветок? Князь Мин согласился помочь ей отыскать его.

После ухода Кун Лю Хэ Ди, подобно лисице, которой наконец-то выпал шанс полакомиться вкусненьким, развёл руки, смеясь:

— Господин посланник, можно считать, Ваши распоряжения выполнены, сейчас мы можем поговорить?

Бросив гневный взгляд, Цзы Янь процедил:

— Хочешь поговорить, тогда говорить будем о главном деле.

— Хорошо, — кивнул Хэ Ди, — тогда поговорим о главном.

Принц запер дверь, а сам довольно облокотился на мягкие подушки и похлопал по свободному месту возле себя, давая понять Цзы Яню, чтобы тот сел рядом. Однако молодой генерал стоял непоколебимо как вкопанный и, мельком взглянув блестящими чёрными глазами-омутами на Хэ Ди, зло отвернулся.

Хоть подобное поведение шло наперекор желаниям Хэ Ди, вот только разгневанный генерал в глазах принца выглядел очаровательно, поэтому он не стал спорить с Цзы Янем и даже не прибёг вновь к угрозе расторгнуть договор.

— Раз господин посланник не хочет говорить о главном деле, может, тогда поговорим о каких-нибудь ещё делишках? — Приопустив веки, будто во хмелю, мужчина воззрился на свою добычу и томно заговорил: — Долг платежом красен: сегодня я вместе с тобой отправился на встречу с князем Мином, где в поте лица пускал пыль в глаза довольно долгое время, да ещё

передал словесное послание от принцессы князю Мину, а по возвращении отправил ответное словесное княжеское послание принцессе Чан Лю. Господин посланник, ты очень много задолжал. Сейчас я хочу взыскать плату, ты ведь не откажешь мне в этом?

Цзы Янь пренебрежительно спросил:

— Чего ты хочешь?

— На самом деле, этот принц уже много дней не обнимал женщин, а тело этого принца здоровое и полно сил. Нет женщин — нет удовольствия — так было всегда, и раз уж господин посланник мне задолжал, до этого воспользовавшись моей милостью...

— Говори прямо, — с высокомерием выпрямился Цзы Янь. — Раз уж этот посланник пообещал тебе, приступай к своим обязанностям и накажи. Если обладаешь мужеством, тогда немедленно дай волю рукам.

Жар, появившийся от подобной надменности, чистоты духа и прямооты, обдал пах Хэ Ди, заставляя член налиться кровью и увеличиться в размерах.

Взгляд резко заострился.

Гадёныш! Если бы не страх перед клятвой Хайшэнь, он, Хэ Ди, уже давно набросился бы на этого стоящего перед глазами непреклонного и навлекающего грёзы мужчину и, немедленно овладев им, имел до тех пор, пока тот не лишился бы чувств.

Вот только в тридцатидневном соблюдении заповеди хоть и нельзя было совокупляться как с другими людьми, так и с возлюбленным, телесная близость с которым несла в себе правильную ценность, однако можно было воспользоваться взаимным «ручным» утешением... Пожалуй, данное отступление в этом отвратительном правиле являлось единственным человеческим пунктом. Тем не менее требовалось содействие противоположной стороны, и вот тогда пойдёт...

Хэ Ди закрыл глаза и после небольшого глубокого раздумья твёрдым тоном приказал:

— Я хочу, чтобы ты с помощью рук отблагодарил этого принца за оказанную милость.

— Чего?

— Используй руки, чтобы позаботиться[3] об этом принце, — чуть повысив голос, повторил Хэ Ди.

— Что значит позаботиться о тебе?

По интонации Цзы Яня Хэ Ди осознал: парень не прикидывается дураком, он действительно не понимает. Открыв глаза, принц странно вытаращился на него и спросил, не веря своим ушам:

— Ты правда не понимаешь?

На что Цзы Янь возмутился:

— Это ты неясно выражаешься. К тому же разве такой человек, как ты, нуждается в заботе?

Не сдержавшись, Хэ Ди взорвался диким хохотом, почти проваливаясь в мягкость подушек. Он положил глаз на самого беспорочного мужчину в мире. Несчастный парень как только дорос до своих лет?

Отсмеявшись, Хэ Ди заметил, что бледный, словно полотно, Цзы Янь уже сел, поджав под себя ноги, сомкнул веки в надежде набраться душевных сил и сделал вид, который говорил «неохота интересоваться, сошёл ли ты с ума».

Улыбка осталась на лице, а сам принц, приблизившись, сразу коснулся щеки Цзы Яня, который слегка отпрянул, будто в крайнем возмущении, однако очень скоро волей-неволей оставил своё сопротивление и продолжил молчаливо и неподвижно сидеть на месте.

В это время Хэ Ди гладил ладонью красивое лицо.

— Ваше Высочество принц находит это весьма забавным? — приглушённо и сдержанно спросил Цзы Янь.

— Господин посланник находит поцелуи забавными? — с вызовом задал встречный вопрос Хэ Ди.

Цзы Янь застыл, надолго умолкнув.

Хэ Ди ещё теснее приблизился, вытянул руку, опираясь на стену на случай если генералу захочется сбежать. Неспешно надвигаясь и обдавая горячим дыханием чувствительное ушко, принц прошептал:

— Цзы Янь, как отнесёшься к нашему очередному поцелую?

Обольстительный голос вкупе с вызывающим дрожь дыханием всё же позволили молодому генералу вспомнить тот поцелуй, от которого подгибались колени. Мерзкий главарь морских разбойников!

Цзы Янь с нетерпением ждал, когда небо расколется надвое и гром обрушится на его голову, позволяя забыть те вызванные принцем Хэ Ди чувства, которые росчерком кисти легли на бумагу. Однако на незапятнанный лист — коим являлось тело — был нанесён густой слой чернил, не позволяющий ничего забыть. Потому стоило Хэ Ди напомнить, и Цзы Янь тотчас ощутил крайний стыд от осознания, что собственное тело до сих пор инстинктивно хранило те непристойные воспоминания.

— Когда я целовал тебя, ты тоже очень возбуждился.

— Чушь.

Хэ Ди слегка подул на шею парня: неторопливо тёплое дыхание постепенно поднималось вверх, и, наконец, бледные губы подверглись горячему натиску.

Усилия были просты и ничтожны, однако они воскресили в памяти всё во всех деталях, вызывая дрожь, а губы, казалось, вновь покрылись влажностью.

Хэ Ди лукаво улыбнулся и прошептал:

— Если ты намерен и дальше продолжать исполнять роль непоколебимо преданного княжеского посланника, тогда повинуйся, не дёргайся. — Придвинувшись чуточку ближе, Хэ Ди губами мягко скользнул по лицу Цзы Яня и тихо похвалил: — Мне нравится, когда ты такой.

Вот так, мало-помалу, принц позволил щекам посланника привыкнуть к жару губ.

Чувствительная кожа лица сообщала о маршруте передвижения губ, медленном, к тому же с явной целью.

Цзы Янь понимал: мужчина накроет его губы как тогда, вызывая ужасающую дрожь, разум совсем опустеет и потеряется, а удар молнии пройдёт каждый цунь тела, словно желая испепелить его. Молодой генерал старался не выдавать собственного страха, думая, будто находится сейчас перед крайне могущественным мастером меча: не бояться, не бежать, контролировать дыхание, а нервы были подобны натянутой струне в ожидании наступления решающей схватки.

Бледные губы от напряжения слегка дрожали и казались необычайно милыми.

Тук! Тук-тук! В самый решающий момент раздался проклятый стук в дверь, да ещё с периодичностью, заставляя Хэ Ди взбеситься.

Тело сильно вздрогнуло, глаза неожиданно широко распахнулись, а сам Цзы Янь, когда Хэ Ди почти приблизился к нему, оттолкнул Его Высочество и тяжело задышал, будто очнувшись от страшного сна.

— Войдите! — Переполненный гневом от того, что прервали столь сладкое занятие, Хэ Ди бросил на вошедшего Кун Лю свирепый взгляд, а на лице появилась лёгкая ехидная ухмылка: — Случилось что-то важное, раз необходимо было потревожить меня в такое время своим стуком?

Кун Лю, встретившись со взглядом Хэ Ди, помимо своей воли отступил на полшага, перевёл дыхание и только тогда отчётливо доложил:

— Принц, принцесса Чан Лю сейчас находится снаружи, у неё важное дело, требующее немедленной встречи с принцем.

— Договор о союзе с князем Мином уже заключён, князь Мин согласился ради неё отыскать Вэньлань, у неё ещё что-то есть? Насколько важное?

— Как раз насчёт Вэньлань, — с серьёзностью отозвался Кун Лю, придерживаясь этикета. — Принцесса Чан Лю сказала, что не слышала ни о каком цветке Вэньлань и никогда никого не просила его отыскать.

— Вот как? — опомнился Цзы Янь и развернулся. — Выходит, Ду Фэн обманул князя Мина? Но зачем он это сделал?

Хэ Ди тоже ощутил нечто неладное. Причина, по которой тот мужчина решил обмануть князя, не вызвала даже малейшего интереса, однако мысль о том, что данное происшествие послужит козырем, с помощью которого можно будет продолжить обман и третирование, тем самым контролируя Цзы Яня, напротив, заинтересовала.

Окинув взглядом глубоко озадаченного парня, Хэ Ди последовал его примеру, приняв серьёзный вид:

— Тогда попроси принцессу Чан Лю войти, дабы этот принц как можно тщательнее смог разобраться в данном вопросе.

Примечания:

[1] В оригинале фраза звучит довольно интересно. 擁紅抱綠 (yōng hóng bào lǜ\lù) — юн хун бао люй — если переводить по-иероглифно, то 擁 (юн) означает «обниматься\толпиться\прижиматься\владеть», 抱 (хун) — «красный\популярный\красивый\молодой\пользующийся успехом\женский», 綠 (бао) — «окружать\держать в руках\иметь при себе», 綠 (люй) — «зелёный\яркий», а также подразумевается молодая женщина. Также это отсылка к фразе «цветы — красны, ива — зелена», означающей природную, естественную красоту девушек.

[2] Как вы правильно поняли, это и есть бордель.

[3] Интересно то, что в первом и во втором предложениях Хэ Ди говорит 安慰 (ānwèi) — ань вэй — что можно перевести двояко: «благодарить за труды» и «умиротворять\утешать\проявлять заботу».

<http://bllate.org/book/13377/2084880>